

Цзян Чу достал из холодильника баночку кокосового молока и уже хотел спросить Цинь Цзуй, будет ли тот, но услышал, как хлопнула дверь. Выглянув из кухни, он увидел, что Цинь Цзуй уже ушёл к себе.

Цзян Чу приоткрыл было рот, пару раз подбросил банку на ладони, но звать его передумал. Так и вернулся в кабинет, лениво перекатывая в пальцах холодную жёсть.

Компьютер работал — Цзян Чу тронул мышку, чтобы разбудить экран. На панели задач висел длинный ряд открытых вкладок. Он принялся поочередно открывать их и закрывать.

Когда дело дошло до последней, запущенной недавно, экран вдруг ожил. Цзян Чу невольно поморщился: похоже, уходя из кабинета, он забыл нажать на паузу. Проигрыватель крутил ролики один за другим, и за это время успел воспроизвести целую кучу.

На экране кувыркались двое белых парней. Тот, что покрепче, возвышался над партнером настоящим гигантом. Второй, худощавый, почти уткнулся лицом в обивку дивана; его вколачивали так, что он, содрогаясь всем телом, судорожно цеплялся пальцами за бахрому накидки и время от времени дергался, словно в лихорадке.

Цзян Чу занес курсор над крестиком закрытия вкладки, но почему-то помедлил. В этот момент здоровый парень резко приналег, и худой, судорожно выгнув спину, запрокинул голову.

— Блядь, — глухо выругался Цзян Чу и с силой кликнул по крестику.

Он откинулся на спинку кресла, прищурился и раздражённо прикусил зубами сигарету.

Какая же дикая херня.

С таким остервенением только драться — кости к чертям переломаешь.

Сделав пару глубоких затяжек, Цзян Чу загнал поглубже внезапное беспокойство. Он сполз пониже в кресле, закинул ноги на стол и уставился на висевшую на стене картину, нервно сжимая зубами фильтр сигареты.

Днём, когда он шёл включать компьютер, дело было вовсе не в том, что он не поверил словам Цинь Цзуй. Просто когда всё подтвердилось наглядно, на душе почему-то сделалось скверно.

И злило его даже не то, что у него встал. В конце концов, Цинь Цзуй прав: там всё происходило настолько животно, что возбудился бы любой — хоть на спаривание собак смотри, и то заведёшься.

Настоящая досада крылась в другом: глядя на экран, Цзян Чу ловил себя на том, что волей-

неволей мысленно подставляет на место одного из актёров... Цинь Цзюя.

Представлять Цинь Цзюя и возбуждаться от этого — вот это было уже полной хернёй. Твою мать.

Чистой воды извращение, разве нет?!

Промучившись всю вторую половину дня, он заставил себя погрузиться в работу, чтобы хоть как-то проветрить голову. Когда к вечеру он наконец выбрался из кабинета, ощущение было такое, словно он только что вышел из добровольного заточения.

В гостиной царил полумрак — свет никто не зажигал. Цзян Чу постучал в дверь комнаты Цинь Цзюя, позвал его и поочередно включил свет во всей квартире.

Цинь Цзуй переступил порог спальни, потянув за собой шлейф табачного дыма. Цзян Чу заглянул ему через плечо:

— Чем ты весь день занимался? Тихо, как в могиле.

— Домашку делал, — буркнул Цинь Цзуй.

Цзян Чу бросил ему банку кокосового молока:

— Давай на ужин лапши сварим? Что-то захотелось.

— Давай, — согласился Цинь Цзуй, с щелчком вскрывая жестянку, и сделал глоток.

Жить под одной крышей с Цинь Цзюем всё-таки было чертовски удобно. Цзян Чу с удовольствием растянулся на диване, блаженно разгрузив голову от любых бытовых забот.

Лениво листая ленту в телефоне, он наткнулся на ворох фотографий, которые Лао Ду накидал в общий чат. Из двадцати снимков восемнадцать были посвящены его племяннику. На одной групповой фотографии все весело улыбались, но у Лао Ду, судя по всему, дрогнула рука: в фокус попал только Ду Мяомяо, а остальные лица превратились в размытые пятна.

Да Бэнь уже вовсю распекал приятеля в комментариях, советуя тому поскорее завязывать со свободной бездетной жизнью — мол, с такой гиперопекой он уже экстерном сдал экзамен на звание заботливого папаши.

Цзян Чу с улыбкой просматривал кадры. Наткнувшись на снимок, где сияющий от гордости Ду Мяомяо хвастался перед Лао Ду пойманной рыбиной, он внезапно ощутил укол совести.

Поднявшись с дивана, Цзян Чу дошёл до кухни и спросил у Цинь Цзуя:

— Слушай, может, тоже куда-нибудь съездим развлечься? Выходных ещё куча впереди. Хочешь в аквапарк или ещё куда?

Цинь Цзуй, стоя у плиты и орудуя лопаткой, даже головы не повернул:

— Не хочу.

— Ну а чего тогда душа желает? Может, на лыжах покатаемся? — Цзян Чу плохо представлял, чем увлекаются подростки его возраста. Сам он терпеть не мог заезженные туристические места, где в праздники яблоку негде упасть — туда поедешь полным сил, а вернёшься выжатым как лимон.

— У меня завтра занятия, — отозвался Цинь Цзуй, перекладывая готовое яйцо на тарелку.

— Уже? — Цзян Чу потянул носом аппетитный аромат и потянулся за тарелкой.

— Нам дали только три дня, — Цинь Цзуй со вздохом протянул ему палочки и снова зажёг огонь, чтобы пожарить ещё порцию.

— А, ну да, — вспомнил Цзян Чу. Когда он сам учился, школа урезала любые каникулы ровно наполовину. Прошло столько лет, а порядки не изменились.

— Тогда отложим до Нового года, — подбодрил он его. — Там каникулы длинные будут.

Он уже развернулся, чтобы унести яичницу в комнату, как вдруг на сковороде с треском лопнул пузырь раскалённого масла. Обернувшись, Цзян Чу увидел, что Цинь Цзуй торопливо убавляет огонь. На его правом предплечье багровели две свежие точки — брызги масла мгновенно вздулись крошечными водянистыми волдырями.

— Видимо, нагар на сковороде остался, вот и брызнуло, — Цзян Чу поставил тарелку обратно и протянул руку, чтобы перехватить руку Цинь Цзуя и осмотреть ожог.

Цинь Цзуй уклонился от его руки, подошёл к раковине и подставил руку под струю холодной воды. А затем, недолго думая, просто содрал ногтем оба волдыря.

Цзян Чу недовольно нахмурился и снова попытался поймать его за руку:

— Ну зачем ты их содрал? Надо было сначала...

Но договорить ему не дали — Цинь Цзуй опять мягко, но настойчиво отвёл его руку.

Цзян Чу застыл в недоумении.

— Всё нормально, — Цинь Цзуй оторвал кусок бумажного полотенца, промокнул мокрую кожу и вложил тарелку обратно в руки Цзян Чу. — Иди в комнату.

Весь оставшийся вечер Цзян Чу украдкой наблюдал за Цинь Цзуюм и пришёл к выводу: у того снова обострился его дурацкий бзик — непереносимость чужих прикосновений.

Проявлялось это не так резко, как в первые дни после его приезда, но тенденция наметилась отчётливо.

Цзян Чу хотел осмотреть его ожог — тот увернулся.

После ужина Цзян Чу надеялся посидеть и поболтать по-братски, предложил пройтись — отказ.

— Давай я помою, — вызвался Цзян Чу, забирая у него грязную посуду. Их пальцы случайно соприкоснулись, и Цинь Цзуй тут же выпустил тарелку из рук, переложив её на Цзян Чу, и молча ушёл в душ.

К тому времени как Цзян Чу управился на кухне, дверь в спальню Цинь Цзую уже была плотно закрыта. Парень даже не присел на диван перед телеком, чтобы, как обычно, перекинуться парой фраз или просто лениво помолчать вместе.

Вообще-то Цзян Чу и сам после дневных фантазий чувствовал себя последней сволочью и подсознательно подумывал держаться от него подальше. Но стоило Цинь Цзую первому отдалиться, как внутри сразу заскребли кошки.

Ишь ты, фрукт какой, бегают он от него!

С самого обеда ходит туча тучей... Из-за отъезда Лян Сяоцзя, что ли, расклеился?

Цзян Чу постоял посреди гостиной, хмуро размышляя, потом прихватил ключи и ушёл проветриться в супермаркет. Вернулся с увесистым пакетом консервированных персиков и распахнул банки по полкам холодильника.

Сон не шёл. Уже глубокой ночью, ворочаясь с боку на бок, Цзян Чу внезапно похолодел от дикой мысли:

«А что, если Цинь Цзуй просёк, какие именно ролики я смотрел?»

«Я ведь отдал ему свой старый телефон... Вдруг там до сих пор осталась синхронизация по аккаунту?»

Цзян Чу резко распахнул глаза. Сердце предательски ухнуло вниз.

Рационально он понимал: даже если Цинь Цзуй что-то и заметил, трагедии в этом нет, да и к его резкой замкнутости это вряд ли имеет отношение. Но иррациональный стыд — штука неуправляемая. Стоило дать волю фантазии, и Цзян Чу уже казалось, будто знать о его постыдном поисковом запросе — всё равно что залезть к нему в голову и увидеть все те грязные картинки, которые он там прокручивал.

Он уже рывком сел на кровати, собираясь бежать в кабинет к компьютеру, как вдруг до него дошло: его рабочий ПК и мобильник вообще принадлежали разным брендам и никак не синхронизировались.

— Тьфу ты... — Цзян Чу шумно выдохнул и со стоном повалился обратно на подушки.

Но стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором снова поплыли эти чертовы кадры: яростные толчки, выгнутые спины...

А за ними пришло другое воспоминание — как днём он вышел из ванной и увидел со спины Цинь Цзую, расставлявшего тарелки на обеденном столе.

Силуэт долговязого паренька из порнухи и крепкая спина Цинь Цзую снова начали накладываться друг на друга, сливаясь в единый образ.

Цзян Чу с силой перевернулся на живот, уткнулся лицом в подушку и поплотнее натянул на бедра одеяло.

Что за напасть? Прямо как в подростковом возрасте, когда впервые дорвался до порножурнала. Заклинило намертво.

К счастью, затянувшиеся выходные подошли к концу. Цзян Чу вернулся к привычному маршруту «дом — работа — дом», и рутина наконец вернула его жизни былое спокойствие.

Да Бэнь завалился к нему в офис с огромным пакетом сушёных грибов и зизифуса. Пояснил, что это подарки от хозяина усадьбы, где они отдыхали — давали строго по числу гостей, но Да Бэнь ухитрился выбить доли и на Цзян Чу с Цинь Цзуюем.

— Слышь, Бэнь, — Цзян Чу разгрыз ядрышко грецкого ореха и как бы невзначай спросил: — Ты

когда-нибудь смотрел порнуху... ну, где двое мужиков?

— А, где под хвост балуются? — Да Бэнь, не отрываясь от монитора, хмыкнул: — Видел, конечно. Даже похлеще вещи попадались. Слышь, а ты зрил когда-нибудь, как они друг другу прямо в уретру пихают?.. Там, бля, натурально штырь загоняют...

— Да ну тебя! — Цзян Чу аж передёрнуло от фантомной боли. Он запустил в приятеля скорлупкой: — Что за извращения у тебя в башке?

— Так ты сам спросил, — Да Бэнь ловко поймал гостинец, отправил в рот и довольно заржал.

Смех его, однако, оборвался на полуслове. Он медленно выглянул из-за монитора, выставив напоказ свою круглую, недоверчивую физиономию:

— Чу-эр.

— Чего? — отозвался тот.

— Ты ведь Чэнь Линьго слил не потому, что... — лицо Да Бэня выражало крайнюю степень офигения. — Твою ж дивизию! Вот почему у тебя за столько лет ни с одной девчонкой не выгорело!

— Хорош нести херню, — быстро пресёк его инсинуации Цзян Чу. Он подтащил поближе мусорную корзину и смахнул со стола остатки скорлупы, отчаянно пытаясь скрыть накотившее смущение. — Просто на днях искал фильм, а там в рекомендациях вылезла эта дичь. Ну я и глянул чисто из любопытства, аж офигел.

— Да ладно, понимаю я. Сам когда-то случайно наткнулся на один рассказик, потом три дня плевался, — Да Бэнь хмыкнул. Среди мужиков такие темы были делом обычным — кто в этой жизни не натёкался на всякую экзотику? — Но вообще, Чу-эр, если ты вдруг и правда по парням, тут я тебе не помощник. Моя Бао Ли ни за что не позволит мне пожертвовать ради дружбы собственной задницей.

— Спрячь её подальше и не показывай, — покатился со смеху Цзян Чу. — Твой священный зад настолько заплыл жирком, что я бы его при всём желании не унёс.

Фразочка про «жертвенную задницу» засела у Цзян Чу в голове на весь оставшийся день. Как только он представлял себе Да Бэня, картинно принимающего позу, его тут же разбирал дикий хохот.

С его-то габаритами у него одна половинка потянет на две чужих. Попадись он тому накачанному гиганту из ролика, тот бы, пожалуй, впал в ступор, не зная, с какого боку подступиться к такой монументальной корме.

Ближе к концу рабочего дня Да Бэнь, полистав что-то в телефоне, лениво протянул:

— Ну что, Чу-эр, сообразим на двоих ужин? Бао Ли сегодня укатила к маме, так что я беспризорный.

— Идёт. С тебя выбор места, — согласился Цзян Чу. Возвращаться домой и снова заказывать доставку не хотелось. Пока Цинь Цзуй пропадал на учёбе, Цзян Чу питался исключительно покупным рисом в глиняных горшочках. От этой бесконечной подгорелой корочки у него уже во рту пересохло.

— Спроси у мелкого, чего он хочет. Пускай с нами идёт, — предложил Да Бэнь.

— Не получится, у него вечерние занятия в школе, — покачал головой Цзян Чу.

— А, ну да. Раз уж мы впряглись в работу, то и у школьников лафа кончилась. Погнали тогда за стейками, жуть как мяса хочется, — Да Бэнь принялся шустро листать карту в поисках ресторана. — Слушай, а твой оболтус как учится? Племянш Лао Ду вообще на учёбу забил, оценки — без слёз не взглянешь. Лао Ду на праздниках заикнулся, чтобы записать его на дополнительные курсы, так этот мелкий засранец устроил форменный бунт. Слова ему не скажи.

— Да я особо не лезу. Хотя по его виду не скажешь, что он фанат науки. Пьёт он уж точно похлеще твоего, — Цзян Чу мысленно сделал пометку, что надо бы поинтересоваться успеваемостью Цинь Цзуй. Перед каникулами у них как раз были первые контрольные, а он даже результатов не знает.

— Да и Лао Ду хорош, — Цзян Чу плавно притормозил на красный свет. — На всю «золотую неделю» пацану выделили от силы дня три свободных. Будь я на месте Ду Мяомяо, я бы тоже за разговоры о репетиторах когти выпустил.

— Какое там «дня три», он развлекается на полную катушку! — отмахнулся Да Бэнь. — Вчера листал ленту — этот мелкий выложил фотку из бассейна. Гуляет парень, горя не знает.

Цзян Чу опешил. Он уставился на Да Бэня в упор и пришёл в себя только тогда, когда сзади нетерпеливо загудели — загорелся зелёный.

Спонтанный ужин на двоих грозил затянуться: в разгар посиделок объявился Фан Цзы. Ему тоже не сиделось дома после праздников, и он напросился в компанию. За разговорами и пивом время пролетело незаметно — опомнились они только в десятом часу вечера.

Фан Цзы рвался продолжить банкет и уже собирался вызванивать Лао Ду на ночные шашлыки, но Цзян Чу, помня, что у Цинь Цзуй вот-вот закончатся уроки, вежливо отказался. Он попросил упаковать недоеденный стейк с собой и поспешил к выходу.

— Ну ты даёшь, старик. Скоро превзойдёшь Лао Ду по части гиперопеки, — беззлобно съязвил вслед Фан Цзы.

Цзян Чу лишь усмехнулся про себя.

«Всё-таки я получше, чем Лао Ду... Хоть мой подопечный, кажется, только что бессовестно мне соврал»

Дома его встретил полуголый Цинь Цзуй. Парень щеголял в одних боксерах и как раз направлялся на балкон, чтобы повесить сушиться только что выстиранные шорты.

Увидев внезапно вернувшегося Цзян Чу, Цинь Цзуй мгновенно развернулся и скрылся в своей спальне, чтобы натянуть штаны.

Цзян Чу всю дорогу из ресторана переваривал новость о вранье. Настроение и так было паршивым, а эта демонстративная попытка Цинь Цзуй спрятаться окончательно вывела его из себя.

— И долго ты ещё будешь от меня бегать? — Цзян Чу с глухим стуком швырнул пакет со стейком на тумбу в прихожей и уставился на влажную после душа спину Цинь Цзуй.

<http://bllate.org/book/18398/1815096>